

ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОСТИ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Характеризуется динамика и структура преступности в Беларуси во второй половине XIX — начале XX в. На основе данных судебной статистики анализируется влияние социальных процессов пореформенного периода на уровень преступности в обществе. Предлагается авторская классификация преступлений, позволяющая наиболее полно проследить изменения девиантного поведения населения. Исследуются социально-экономические и социально-политические реалии описываемого периода, оказавшие влияние на рост числа преступлений против личности, государственного управления, собственности. Сделан вывод об усилении фрагментарности и маргинализации социума вследствие буржуазных реформ как одной из основных причин роста преступности.

The article is devoted to various aspects of the dynamics and structure of crime in Belarus in the second half of XIX — early XX centuries. Based on the data of judicial statistics, the author analyzes the impact of social processes in the post-reform period on the crime rate in the society. The author offers his own classification of crimes that would allow the most current understanding of the deviant behavior dynamics of the population. In the article the socio-economic and socio-political realities of the described period, which influenced the increase in crime against the person, public administration, property are being examined. The author concludes that strengthening the fragmentation and marginalization of the society as a result of the bourgeois reforms, is one of the main reasons for the increase in crime.

Ключевые слова: пореформенный период; судебная статистика; криминогенность; классификация преступлений; маргинализация общества.

Keywords: post-reform period; court statistics; criminality; classification of crimes; marginalization of society.

Вторая половина XIX — начало XX в. характеризуются масштабными изменениями в экономической, социальной, культурной сферах белорусского общества. Получение большинством населения гражданских прав, легальной возможности для изменения своего социального статуса, защиты интересов привело в движение огромные массы граждан, открыло новые возможности для вертикальной и горизонтальной мобильности, развития частной инициативы.

Брыгадзін Дзяніс Пятровіч — начальнік аддзела міжнародных сувязей Дзяржаўнага інстытута кіравання і сацыяльных тэхналогій Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. E-mail: denisbrigadin@gmail.com

В условиях промышленного переворота в белорусских губерниях происходит значительный рост количества предприятий и объемов промышленного производства. Если в 1860 г. небольшие предприятия с численностью рабочих до 15 человек давали 84 % всей промышленной продукции, то в 1890 г. доля фабрично-заводского производства составила 46,2 %. Важной особенностью промышленного производства в Беларуси была его ориентация на переработку местного сырья. Большая часть фабрик и заводов размещалась в сельской местности. Такая индустриальная политика привела к формированию в Беларуси феномена «рассеянной индустриализации», что принципиально важно для понимания процессов социализации нового поколения рабочего класса.

Особенностью развития белорусских губерний в пореформенный период стала их включенность в транспортные коммуникации империи. В 1860—90-е гг. активно велось железнодорожное строительство. Были введены в эксплуатацию Петербургско-Варшавская, Рижско-Орловская, Московско-Брестская, Либаво-Роменская железные дороги, проходившие по территории Беларуси. Транспортные коммуникации открывали значительные возможности для территориальной мобильности населения. В то же время сдерживающим фактором была замедленность процессов урбанизации (городское население белорусских губерний увеличилось с 11,6 % в 1863 г. до 13,4 % в 1914 г.) [2, с. 59]. Во второй половине XIX в. Российская империя по темпам урбанизации существенно отставала от европейских государств. Если в Великобритании в 1890 г. городское население составляло 72 %, в Германии — 47, во Франции — 37,4, то в России этот показатель составил всего 12,5 % [4, с. 381].

Вторая половина XIX — начало XX в. в Российской империи ознаменовались еще одним очень важным событием — демографической революцией. Повышение рождаемости при снижении смертности (с 39,8 случая на 1000 человек в 1850 г. до 30,2 — в 1900 г.) и увеличении средней продолжительности жизни (с 27,3 года в 1861 г. до 33,4 — в 1900 г.) привело к росту населения. В 1860 г. в Российской империи проживало 62 млн человек, в 1897 г. — 126,6 млн [5], а в 1914 г. — 173 млн [17]. В белорусских губерниях наблюдалась аналогичная картина. Сравнивая статистические данные за 1885 [7], 1897 [5, с. 6, 7, 10] и 1914 гг. [20, с. 34—39], можно заметить значительный рост населения. В Виленской губернии численность населения в те же годы составляла 1,273, 1,591 и 2,075 млн человек соответственно; Витебской — 1,235, 1,503 и 1,953 млн; Гродненской — 1,312, 1,618 и 2,048 млн; Минской — 1,647, 2,156 и 3,035 млн; Могилевской — 1,234, 1,708 и 2,465 млн человек [5, с. 6, 7, 10; 7; 20, с. 34—39].

Демографическая революция оказала серьезное влияние на основные процессы социальной модернизации общества. Радикальные изменения в экономической, социальной сферах привели к трансформации традиционных устоев жизни, формированию новой системы ценностей. Эти изменения коснулись всех социальных групп населения. Патриархальность уступала модернистским трендам в развитии личности и общества.

Неравномерность процессов модернизации приводила к конфликтам, усиливала социальную фрагментарность общества, что отчетливо проявлялось в неуклонном росте преступности. В период с 1861 по 1913 г. число уголовных дел, рассмотренных в судах Российской империи, возросло в восемь раз, а в расчете на 100 тыс. населения — в 3,3 раза [2, с. 85]. В абсолютных величинах динамика роста преступности выглядит следующим образом: в 1851—1860 гг. было зарегистрировано 320 тыс. преступлений, в следующем десятилетии — 599 тыс., а в 1901—1910 гг. количество преступлений возросло до 1891 тыс. [3, с. 84].

В белорусских губерниях в пореформенный период преступность также имела ярко выраженную динамику роста, что можно проследить по данным, представленным в табл. 1.

Таблица 1

Количество уголовных дел, возбужденных в судебных учреждениях*

Губерния	1887 г.	1891 г.	1895 г.	1898 г.	1902 г.
Виленская	3146	3314	4292	4394	4626
Витебская	2634	2597	3693	3480	4614
Гродненская	3148	3170	3777	4280	5038
Минская	3641	4124	5193	5998	6712
Могилевская	2178	2248	3081	3849	4744
Всего	14 747	15 453	20 036	22 001	25 734

В расчете на 100 тыс. населения количество уголовных дел, возбужденных в 1887 и 1902 гг., увеличилось: в Виленской губернии с 247 до 290, Витебской — с 213 до 306, Гродненской — с 240 до 311, Минской — с 221 до 311, Могилевской — со 176 до 278.

* Здесь и далее приведенные данные по уголовным преступлениям в белорусских губерниях взяты из официальных статистических изданий Министерства юстиции Российской империи за соответствующие годы — «Свод статистических сведений по делам уголовным» [10—18] и «Сборник статистических сведений Министерства юстиции» [8; 9].

Судебная статистика по уголовным делам, принятым к рассмотрению в белорусских губерниях во второй половине XIX в., дает объективное представление о характере уголовной преступности, тяжести преступлений. Судебная реформа в Беларуси начала осуществляться с 1872 г. после отмены военного положения, длившегося с 1863 по 1870 г. В этом же 1872 г. в Российской империи была введена новая форма криминальной статистики, которая содержала подробные данные о преступлениях, сведения о преступниках, их сословной принадлежности, профессии, образовании, возрасте, вероисповедании, семейном положении. Кроме того, следствие обязано было информировать Министерство юстиции специальной карточкой о начале расследования. Сопоставление данных о количестве принятых к производству уголовных дел, количестве подсудимых и осужденных позволяет провести историческую реконструкцию криминогенности различных регионов и социальных групп населения Беларуси. Однако необходимо отметить, что судебная статистика Российской империи имела и слабые стороны. На общей динамике показателей сказался тот факт, что во многих губерниях империи в разное время действовало положение об усиленной или чрезвычайной охране, а в особых случаях — военное положение, наделявшее генерал-губернаторов дополнительными полномочиями.

Так, при объявлении особого положения на определенной территории политические и многие тяжкие уголовные преступления (убийства, грабежи и т. п.) изымались из подсудности общих судов и передавались на рассмотрение военно-полевым судам. Как отмечал Е. Н. Тарновский, «внимание полиции ввиду общеопасного политического брожения в стране было занято преимущественно борьбой с этими ненормальными явлениями взбудораженной общественной жизни», а на менее тяжкие преступления вообще в этот период перестали как-либо реагировать [21, с. 58, 59]. Ситуация особенно обострилась в связи с революцией 1905 г., когда было введено военное положение в Двинске, Барановичах и Белостоке. Ввиду опасений массовых беспорядков власти в некоторых уездах Витебской губернии ввели положение о чрезвычайной охране [1]. Положение об усиленной охране действовало в Витебской, Могилевской и Гродненской губерниях до 1909 г.

Анализируя динамику преступлений, следует выделить в особую категорию тяжкие преступления, т. е. те, за совершение которых в законе предусматривалась смертная казнь, каторга или ссылка на поселение. Именно они дают представление о криминальном поведении различных категорий населения и характеризуют уровень социального неблаго-

гополучия общества. Число зарегистрированных тяжких преступлений в Российской империи представлено в табл. 2.

Таблица 2

Количество тяжких преступлений в Российской империи

Годы	Среднее количество в год	В расчете на 100 тыс. населения
1861—1870	188 000	272
1871—1880	147 000	283
1881—1890	148 000	251
1891—1900	268 000	285
1901—1910	577 000	406

Что касается мелких преступлений, за которые предусматривались арест или штраф, то их динамика согласуется с общей тенденцией роста. Так, если в 1861—1870 гг. число зарегистрированных мелких преступлений составляло в среднем 411 тыс. в год, то в 1900—1910 гг. — 1314 тыс. в год.

В Беларуси рост преступности наблюдался практически по всем видам правонарушений. С 70-х гг. XIX в. в криминальной статистике выделялось от 41 до 84 видов преступлений. Условно их можно объединить в несколько групп. Первая — преступления против государственного управления (против общественного спокойствия и безопасности, против порядка управления, подлоги и похищения правительственных актов, подделка монет, служебные преступления, нарушения уставов казенных учреждений). Вторая группа — преступления против корпоративных законов (против торговых и кредитных, фабричных и заводских уставов, против народного здоровья, подлоги в актах и обязательствах). Третья группа — нарушения моральных устоев (святотатство, религиозные преступления, ложный донос, лжеприсяга, лжесвидетельствование, преступления против нравственности, против брачного или родственного союза, оскорбление чести). Четвертая группа — преступления против собственности (истребление имущества, насильственное похищение имущества, кража, мошенничество, присвоение и растрата чужого имущества, подлоги при купле и продаже). И наконец, пятая группа — преступления против личности (убийства, оставление в опасности, преступления против телесной неприкосновенности, женской чести, противозаконное лишение свободы, угрозы).

При общей тенденции роста криминогенности каждая из этих групп имела свою динамику. Так, самые высокие темпы роста преступности

против государственного управления пришлось на начало XX в. Политизация общественной жизни, включение в политическую агитацию нелегальных партий (Бунд, эсеры, РСДРП и др.) в условиях экономического кризиса и непопулярной в народе русско-японской войны привели к значительному увеличению случаев массового противоправного поведения. Так, если в 1884—1893 г. было зарегистрировано 16,6 тыс. преступлений против общественного и государственного порядка, то в 1899—1908 г. — 79,5 тыс. В 1906 и 1907 г. число осужденных за такие преступления составляло 39,7 и 37,8 % от общего количества осужденных окружными судами Российской империи соответственно [16, ч. 1, с. 10, 11]. В последующие годы произошел спад преступности против государственного управления. Например, в Беларуси в 1907 г. за преступления против порядка управления был осужден 1431 человек, [16, ч. 2, с. 36, 37], а в 1912 г. — 688 [18, ч. 2, с. 34—37].

Преступления против корпоративных законов на протяжении длительного времени оставались примерно на одном и том же уровне. В 1890 г. они составляли всего около 3,3 % от общего числа [12, ч. 2, с. 32, 33]. Число преступлений третьей группы — против моральных устоев — имело тенденцию незначительного роста: их доля составляла от 5 до 8 %.

Наиболее массовыми преступлениями пореформенного периода были преступления против личности и против собственности. В период с 1874 по 1883 г. в Российской империи за год совершалось в среднем 22,4 тыс. преступлений против личности (в том числе 3,8 тыс. убийств), с 1899 по 1905 г. — 153,8 тыс. (в том числе 19,8 тыс. убийств), с 1906 по 1913 г. — 141,7 тыс. (из них 33,8 тыс. убийств).

Судебная статистика свидетельствовала о росте числа убийств и в белорусских губерниях, что подтверждают данные табл. 3.

Таблица 3

Количество осужденных за убийства в белорусских губерниях

Губерния	1890 г.	1897 г.	1907 г.	1912 г.
Виленская	71	57	96	172
Витебская	68	59	137	146
Гродненская	47	65	63	113
Минская	81	72	120	133
Могилевская	48	50	98	165
Всего	315	303	514	729

Таким образом, рост числа убийств в белорусских губерниях с 1890 по 1912 г. составил 231 %, в то время как рост численности населения — только 164 % (с 6,7 до 11 млн человек) [7; 19, с. 33—39].

Количество преступных посягательств на имущество частных лиц (кражи, разбои, грабежи, мошенничество и др.) в Российской империи также заметно возросло. Если с 1874 по 1883 г. совершалось в среднем 57,5 тыс. подобных преступлений в год, в 1899—1905 гг. — 136 тыс., то в 1906—1913 гг. — 227,1 тыс.

Необходимо отметить, что в структуре правонарушений имущественные преступления на протяжении всей второй половины XIX в. занимали доминирующее положение. Данный вид преступлений составлял около 40 % от общего количества преступных деяний. Исключением были 1895 (50,4 %) и 1896 гг. (48,1 %) [14, ч. 1, с. 20]. В начале XX в. уровень преступности против собственности частных лиц увеличился еще больше. В 1909—1913 гг. доля таких преступлений возросла до 55 %. В то же время наблюдалось резкое уменьшение количества преступлений против государственной собственности: с 47 тыс. в середине XIX в. до 3,8 тыс. в начале XX в.

На наш взгляд, тенденция постоянного роста числа преступных посягательств на чужое имущество отражала изменения не столько в социально-экономическом укладе, сколько в системе ценностей социума. Идеологема «бедность не порок» уступила место другой — «получить все и сразу». Главным мотивом криминального поведения стало стремление различных социальных групп разбогатеть. Безусловно, поведенческие мотивы людей формировались новым укладом жизни, ориентированным на получение собственной выгоды. Параллельно с этим существовали устойчивые стереотипы поведения, основанные на отсутствии у граждан твердых убеждений о неприкосновенности частной собственности и необходимости неукоснительного исполнения законов.

Государственная система оказалась неготовой к адекватному реагированию на новые тенденции роста бедности. Государство усилило полицейские функции по отношению к тем группам населения, которые представляли определенную социальную опасность (бродяги, нищие, беспризорные дети). Система профилактики правонарушений, включая социальное страхование, благотворительность и др., находилась в зачаточном состоянии. Поэтому неслучайно в белорусских губерниях количество осужденных за кражу было значительным. Так, в 1890 г. в Беларуси окружными и мировыми судами за различные виды кражи

имущества было осуждено 5770 человек, в 1897 г. — 4469, в 1907 г. — 5243, в 1912 г. — 5357 человек. Причем если общее число осужденных с 1890 по 1912 г. несколько снизилось (с 5770 до 5357 человек), то доля осужденных окружными судами существенно увеличилась (с 1123 до 1872 человек).

Процессы социальной модернизации второй половины XIX — начала XX в. не сняли остроту социальных противоречий, усилили маргинализацию общества. Подтверждение этого тезиса — данные о росте числа осужденных окружными и мировыми судами за рецидивные преступления. В белорусских губерниях в 1890 г. было осуждено 953 рецидивиста, в 1897 г. — 1465, в 1907 г. — 1541, а в 1912 г. — 2019. Даже с учетом бурного роста населения в данный период рост преступности происходил быстрее. Число рецидивистов на 100 тыс. населения с 1890 по 1912 г. в Виленской губернии увеличилось со 182 до 463 человек, Витебской — с 221 до 482, Гродненской — со 188 до 326, Минской — со 199 до 387, в Могилевской — со 163 до 359 человек. Увеличение количества повторных нарушений закона является серьезным сигналом для общества. Рецидив преступлений свидетельствует не об их вынужденном, форс-мажорном характере, а о вхождении преступности в повседневную жизнь.

В Российской империи наибольшая криминогенность наблюдалась в городах, развитие которых во второй половине XIX в. было связано с изменением их функциональной структуры. На смену городам как административно-военным центрам приходят города индустриальной эпохи. Они играют все более значимую роль в промышленном производстве, торговле, финансах, а также культурной сфере. При этом города России сохраняют в своем составе значительное количество крестьян. В 1897 г. городское население Российской империи состояло примерно из 45 % крестьян, 44,9 % представителей городского сословия, 6,6 % дворян, 1,2 % духовенства и 2,3 % иных категорий жителей.

В течение второй половины XIX в. менялась структура занятости горожан. В это время уменьшилась доля лиц, работающих в промышленности и строительстве (с 38 до 28 %), сельском хозяйстве (с 18 до 7,9 %). При этом с 17,3 до 37,6 % возросла доля горожан, занятых на частной службе, поденных работах, в прислуге, свободных профессиях, а также без определенных занятий [3, с. 303].

В Беларуси в конце XIX в. около 30 % горожан было занято в промышленности и строительстве, 11,3 % — на частной службе, поденной

работе, в прислуге, 6,1 % — в сельском хозяйстве. Занятия примерно 17 % городских жителей были неизвестны. Структура занятости в белорусских городах имела свои отличия. Так, если в торговле и на транспорте в городах Российской империи работало 22 % населения, то в Беларуси — 27 % (самая большая доля была в Витебской губернии — 31 %). Кроме того, в белорусских городах была несколько меньше доля занятых на административной, полицейской, судебной службе при большем проценте представителей свободных профессий [6, с. 5—8].

Городская реформа 1870 г. ускорила процессы формирования нового городского сообщества. Все горожане получали право участия в городском самоуправлении, если соответствовали имущественному цензу. Однако только 5 % городских жителей воспользовались этим правом. Бедность была главным ограничителем. Промышленное производство, торговля не могли занять трудоспособное городское население.

Белорусские города имели свою специфику. По данным всеобщей переписи населения 1897 г., доля городского населения составляла от 8,5 % в Могилевской губернии до 16 % в Гродненской. Крупнейшими городами были Вильна (158 тыс. человек), Минск (91 тыс.), Двинск (72 тыс.), Витебск (68 тыс. человек). Население Могилева, Гродно, Бреста не превышало 50 тыс. человек [5, с. 2—10]. Значительная часть населения проживала в 320 местечках с числом жителей от 1 до 5 тыс. человек. Там было сконцентрировано около половины промышленных предприятий.

После разделов Речи Посполитой все губернские и уездные города Беларуси оказались в черте оседлости евреев, где последним разрешалось постоянное проживание. Множество ограничительных мер российских властей по отношению к еврейскому населению (запрет на приобретение и аренду земельных владений, запрещение селиться за пределами городов и местечек, запрет на занятие должностей на государственной службе, железнодорожном транспорте, телеграфе и др.) приводило к его концентрации в городских поселениях. Дискриминационная политика власти вела к его обнищанию и усиливала криминогенность в городах Беларуси.

Второй определяющий фактор роста городской преступности — маргинальный статус рабочих — бывших крестьян. Оторвавшись от традиционного сельского уклада жизни и не адаптировавшись к условиям городской среды, новое поколение рабочих, городской прислуги формировало преступную среду городов. Стремление соответствовать стан-

дартам городской жизни (в первую очередь разбогатеть) привело к более резкому увеличению количества преступлений в городах, чем за их пределами. Например, в 1897 г. на 100 тыс. жителей Витебской губернии приходилось 83 осужденных горожанина и 42 жителя села. В Могилевской губернии этот показатель составлял 61 и 32 соответственно, Виленской — 68 и 42, Минской — 55 и 34, в Гродненской — 60 и 38 [14, ч. 2, с. 269—272].

Таким образом, в процессе модернизации белорусского общества во второй половине XIX — начале XX в. была усилена фрагментарность и маргинализация социума, что отразилось на динамике и структуре девиантного поведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дело об объявлении в положении усиленной охраны городов Полоцка, Дриссы, Режицы, Люцина, Себежа, Невеля, Городка, Лепеля и Велижа и их уездов // Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1430. Оп. 2. Д. 705.
2. *Каханюскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861—1914 гг.). Мінск : БДУ, 2013.
3. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб. : Д. Буланин, 1999. Т. 1.
4. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб. : Д. Буланин, 1999. Т. 2.
5. Население Российской империи по переписи 28-го января 1897 г. по уездам. СПб. : Печатня С. П. Яковлева, 1898.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. : Центр. типо-литография М. Я. Минкова, 1905. Вып. 8 : Процентное распределение наличного населения Империи обоего пола по группам занятий, показанных при переписи главными, как доставляющие главнейшие средства существования.
7. Сборник сведений по России 1884—1885 гг. / Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел. СПб., 1887. Вып. XVIII.
8. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. СПб. : Тип. правительствующего сената, 1897. Вып. 12 за 1896 г.
9. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. СПб. : Тип. правительствующего сената, 1903. Вып. 18 за 1902 г.
10. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1887 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II : в 3 ч. / М-во юстиции. СПб. : Тип. правительствующего сената, 1891.
11. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1888 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II : в 3 ч. / М-во юстиции. СПб. : Тип. правительствующего сената, 1891.

12. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1890 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II : в 3 ч. / М-во юстиции. СПб. : Тип. правительствующего сената, 1895.
13. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1891 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II : в 3 ч. / М-во юстиции. СПб. : Тип. правительствующего сената, 1896.
14. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1897 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II : в 3 ч. / М-во юстиции. СПб. : Сенат. тип., 1901.
15. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1898 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II : в 3 ч. / М-во юстиции. СПб. : Сенат. тип., 1901.
16. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1907 г. : в 2 ч. / М-во юстиции. СПб. : Сенат. тип., 1910.
17. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1910 г. : в 2 ч. / М-во юстиции. СПб. : Сенат. тип., 1913.
18. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1912 г. : в 2 ч. / М-во юстиции. СПб. : Сенат. тип., 1915.
19. Статистический ежегодник России за 1912 г. / Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел. I отд. СПб., 1913.
20. Статистический ежегодник России за 1914 г. / Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел. I отд. Пг., 1915.
21. *Тарновский Е. Н.* Движение преступности в Российской империи за 1899—1908 гг. // Журн. М-ва юстиции. 1909. № 9. С. 52—99.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12 чэрвеня 2015 г.